

ТОМАС ТОРКВЕМАДА

ок. 1420 — 1498

Глава испанской инквизиции

В небольшом городке Старой Кастилии – Торквемаде (по известиям других – в Вальядолиде, и третьих – в Сеговии) у Петра Фердинанда Торквемады около 1420 года родился сын Томас.

Мальчик был богато одаренной натурой, с умом почти гениальным, но страстного и неровного характера. Томасу дали хорошее воспитание, но выбор житейской дороги был решен впоследствии самим Томасом. Еще юношей он поступил в монастырь св. Павла в Вальядолиде, принадлежавший доминиканцам, и с первых дней обратил на себя внимание суровым образом жизни. Он вскоре отличился и как оратор, обличитель ереси и тайных и явных врагов религии. Такое усердие не могло, конечно, ускользнуть от блюстителей испанской церкви. Как эхо этих подвигов, явились предложения Торквемаде высоких постов в духовной иерархии и титула доктора богословия. Суровый аскет ничего не желал, лишь в 1459 году он нарушил свою скромность и согласился принять звание priora в монастыре св. Креста в Сеговии. Отсюда начинается возвышение Торквемады. Обитель св.

Креста была излюбленным местом паломничества не только людей простых, но даже и представителей высшего общества Кастилии. Сюда наезжала королева вместе с инфантой Изабеллой Кастильской. Принцессе подыскивали в это время духовника и поручили эту обязанность Торквемаде.

Торквемада искусно повел дело и скоро овладел полным доверием религиозной принцессы. Кастилия переживала в это время пору волнений: короля Генриха IV, брата Изабеллы, не любили, главным образом духовенство, и наконец лишили престола. На место Генриха, продолжавшего, впрочем, считать себя королем и имевшего сторонников, был посажен брат его Альфонс, но он вскоре умер, и престол опять освободился. Корону вернули Генриху, но с условием, что наследницей его будет сестра Изабелла. В это смутное время Торквемада принимал живейшее участие в провозглашении Изабеллы наследницей Кастилии. Для него открывалась возможность осуществить свои давние планы о борьбе с еретиками.

Изабелла с семилетнего возраста счита-

лась невестой Фердинанда, но Генрих пытался выдать сестру за короля Португалии и тем самым удалить ее от престола. Торквемада ловко разрушил его планы. В то время как Изабелла отказывалась от искателей ее руки, он искусно поддерживал в ней симпатию к Фердинанду. Наконец, 19 октября 1469 года, тайно от Генриха, в сопровождении Торквемады, она отправилась в Вальядолид, где ждал ее, также крадучись, прибывший Фердинанд, и их обвенчали. Раздраженный Генрих объявил Изабеллу лишенной престола, но его не слушали, и в 1475 году, после смерти ненавидевшего ее брата Изабелла стала королевой Кастилии и Леона. Тот же титул был дан ее мужу Фердинанду V. Два самых больших королевства Испании соединились, таким образом, в одно политическое целое, хотя первое время номинально.

Торквемада как главный виновник этой унии, естественно, получил с этих пор первенствующее значение, и не только в Кастилии, но также в Арагонии. В награду за труды ему предлагали место архиепископа Севильи, но он отказался, как ни упорно упрашивали его Фердинанд и Изабелла.

Как только Изабелла стала королевой Кастилии, для Торквемады открылась перспектива более успешной деятельности. Он тотчас же обратил внимание Фердинанда и Изабеллы на печальное положение церкви, испорченность нравов. По мнению Торквемады, необходимы были более сильные лекарства, и самым лучшим было учреждение особого трибунала, «более могущественного и более строгого, чем другие».

Таким образом, Торквемаде справедливо приписывается открытие новой эры в инквизиционной практике. Торквемада довел эту практику до жестокости, из орудия охраны религиозных догматов сделал ее орудием религиозной нивелировки и первый придал инквизиционному трибуналу политический харак-

тер. Из рук папы он передал этот трибунал в руки короля и сделал судилище не столько помощником торжества веры, сколько орудием абсолютизма.

Первые инквизиционные трибуналы появились в Испании в 1232 году, но в 1460 году в Кастилии не было уже ни одного инквизитора. Заслуга вторичного водворения их в этой стране принадлежит Торквемаде. По его настоянию Фердинанд и Изабелла упростили папу Сикста IV опять ввести инквизицию в Кастилии. Разрешение было получено 1 ноября 1478 года. Давая свое согласие на преследование еретиков, Сикст указывал в то же время, каких судей должно поставить во главе насаждаемых трибуналов: людей по крайней мере сорокалетнего возраста, чистой нравственности, магистров или бакалавров богословия, или же докторов и лиценциатов канонического права. Изабелла не сразу решилась на введение инквизиции в своих владениях, но Торквемада сумел подавить ее сомнения, в ярких красках изобразив ей, как угодно Богу учреждение инквизиции.

В Севилье узников ожидали монастырская тюрьма, заседания инквизиторов и застенки. Вскоре число этих несчастных возросло до такой степени, что пришлось искать другое помещение в предместье Севильи. Уже на пятый день после водворения инквизиторов в Севилье костры пожрали шестерых осужденных, немного позже – еще семнадцать, и так, все увеличивая число своих жертв, севильская инквизиция в течение полугода сожгла 298 еретиков и 79 осудила на вечное заточение. Многочисленность осужденных на сожжение заставила сельского губернатора устроить особый постоянный эшафот, так называемое квемадеро. Квемадеро было сложено из камня. На верхней его площадке были установлены четыре гипсовые статуи пророков. Внутри этих статуй была полость, куда вводили осужденных и затем сжигали сразу

нескольких.

Спешность процессов, доносы, личная злоба служителей инквизиции, желание овладеть имуществом богатых – все это очень часто приводило на костер людей ни в чем не повинных, искренних католиков. Скоро канцелярия Ватикана была завалена жалобами на жестокость севильских инквизиторов.

29 января 1481 года, следовательно, менее чем через месяц после открытия севильского трибунала, Сикст IV уже указывал Фердинанду и Изабелле на злоупотребления поставленных ими инквизиторов.

Нельзя, однако, не прийти к заключению что папа недоволен только самостоятельностью инквизиторов и в виде оппозиции критикует их деятельность. В принципе он одобряет меры строгости с еретиками, но хотел бы видеть их в руках епископов и вообще людей, более зависимых от Рима. Им руководила в данном случае политика, а не искреннее проявление гуманности. Испанская инквизиция с 1481 года обнаружила тенденцию сделаться орудием правительства, средством удалять с его пути все, что могло вредить этой власти, будут ли то евреи или мавры, или строптивые католики и даже епископы. В свою очередь папы по традиции не могли спокойно взирать на усиление королевской власти, отсюда их оппозиция инквизиции.

2 августа 1483 года папа утвердил Томаса Торквемаду в звании великого инквизитора Кастилии и предоставил ему право назначать подчиненных чиновников трибунала, иначе говоря, способствовал обособлению испанской инквизиции. Осталось только объединить под одной властью все трибуналы Испании.

Инквизиция торжествовала. По повелению Торквемады ее судилища были введены в Кордове, Яэне и Сиудад-Реале, а по всем епархиям было приказано доминиканцам неусыпно заботиться о поддержании веры. Как высшую инстанцию для управления судилищами и су-

дьями. Фердинанд учредил в то же время королевский инквизиционный совет под названием Верховного совета.

В 1481 году Торквемада собрал в Севилье генеральную юнту инквизиторов. Здесь были выработаны законы испанской инквизиции, 28 пунктов так называемой инструкции.

Первые три пункта её говорили об устройстве трибуналов, о публикации приговоров против еретиков и отступников и назначали «отсрочку милосердия» для желающих сознаться и обратиться. Шесть последних установили порядок чинопочитания среди инквизиторов; остальные девятнадцать охватили все случаи инквизиционного процесса. Кто сознавался до срока, тот мог рассчитывать на помилование, если выдавал других еретиков. Начиная с 11-го пункта, инструкция говорила о еретиках упорных. Если такой еретик сознавался после долгого сидения в тюрьме, то его осуждали на вечное заключение.

Всякий еретик, упорно отрицавший обвинение, считался нераскаившимся, и, чтобы вырвать у него признание, при наличии доказательств его подвергали пытке, а в случае успеха этой меры судили как уличенного еретика. Допрос свидетелей производился самим инквизитором, его же присутствие требовалось при пытке для принятия показаний. По 20-му пункту инструкции инквизиционный процесс мог возбуждаться и против умерших, если из книг и жизни этих умерших оказывалось, что они были еретиками. Кости таких людей извлекались из могил и сжигались во время аутодафе, а имущество конфисковывалось. Вассалы и все власти также подлежали суду инквизиции.

Могущественным стимулом инквизиторов к многочисленным арестам и обвинениям во что бы то ни стало служило желание пополнить кассу трибунала, потому что жалованье этим ревнителям благочестия уплачивалось за счет конфискаций.

Правительство не противилось постановлениям инквизиции, оно получало третью часть этих поступлений и, нуждаясь в деньгах, естественно, заботилось о возрастании такого рода доходов. Кроме денежных расчетов, личная месть находила в инквизиции прекрасное орудие для своего удовлетворения.

Не видя выхода из сетей инквизиции и думая насилие остановить насилием, арагонцы решились на крайнюю меру – избиение инквизиторов. Арагонский дворянин Жан Делабадия руководил делом, первой жертвой был назначен Петр Арбуэ в Сарагосе. 13 октября 1485 года заговорщики застали его в церкви во время утрени. Арбуэ молился, стоя у колонны, возле него на полу горел фонарь. Жан Делабадия ударил инквизитора ножом по шее, и Арбуэ упал. Через два дня он умер от раны. Как ни велика была ненависть к трибуналу, христиане возмутились при вести об убийстве Арбуэ, и инквизиторам пришлось успокаивать народ и удерживать его от самосуда обещанием примерного наказания злоумышленников.

Инквизиция пользовалась в этом случае скрытым недовольством бедных и невежественных классов против богатых и образованных, в среде которых только и могла быть возможной истинная оценка ее намерений. Сарагосские тюрьмы оказались переполненными узниками, значительная часть которых была виновна лишь в критике инквизиции, большинство же неповинно ни в чем. Главные виновники были наказаны отрубанием рук и повешением, после чего их трупы проволкли по улицам и затем, разделив на части, разложили на площадях. Жан Делабадия был подвергнут этой казни уже мертвым. Он покончил с собой накануне. Тем не менее потребовалось еще два года на усмирение волнений народа, не желавшего принять инквизицию.

Что касается Арбуэ, ему устроены были пышные похороны, а могила его – на месте убиения – была украшена монументом с не

менее пышною эпитафией.

С развязкой этой трагедии, несомненно, связано имя Торквемады. Как великий инквизитор он, конечно, принимал живейшее участие в жестокостях, которые были ответом на убийство Арбуэ.

Во времена инквизиции в городах, где не было постоянного трибунала, инквизиторы появлялись наездом. В ближайший праздничный день инквизитор отправлялся в церковь и объявлял с кафедры о возложенной на него миссии. Он приглашал при этом виновных в ереси явиться к нему без понуждения, в надежде на легкое церковное наказание. Затем на месяц давалась отсрочка на размышление, так называемая «отсрочка милосердия». Вид города сразу менялся. Все боялись друг друга, родители – детей, дети – родителей, хозяева – слуг. Давнишние счеты с соседом, затаенное недовольство и злоба – все это оказывалось теперь в приемной инквизитора. Там с охотой выслушивали доносчиков и вносили их вести в особую книгу. К тому же многие спешили навстречу желаниям инквизиторов, потому что недонесение издавна считалось преступлением не менее тяжким, чем сама ересь. Наконец, «отсрочка милосердия» истекала. Если обвиняемый доносом не являлся сам, по собственному сознанию, то инквизиторы начинали расследование. Прежде всего призывался доносчик. Если свидетели подтверждали его обвинение, инквизитор приказывал арестовать обвиняемого. Не знакомя с делом, его запирали в темницу. Имущество его описывалось впредь до разрешения дела, и сам он до того же момента как будто умирал для мира.

Темницы инквизиции были мрачными и сырыми. Небольшие камеры, в пять тагов длиной и четыре шириной, наполовину были заняты нарами с грязной сгнившей соломой вместо постелей. Небольшое окошко чуть освещало это царство страданий. В нем помещалось до шести и более узников, так что многие спа-

ли на полу в отравленной миазмами атмосфере. Первое время мужчины не отделялись от женщин. Жалобы не допускались. Если узники подымали шум или спор, их выгоняли в коридор и бичевали, не разбирая ни пола, ни возраста.

Многие теряли здоровье прежде, чем являлись перед судом инквизиции. Процесс начинался не иначе, как по просьбе обвиняемого. Его побуждали к этой просьбе, когда хотели, при посредстве тюремных агентов. Только после этой жестокой формальности его приглашали на заседание трибунала. Свидетелей допрашивали отдельно. Обвиняемый их не видел все время допроса. Два свидетеля по слуху считались равносильными очевидцу.

Обвиняемый мог иметь защитника, но видеться с защитником ему позволялось только в присутствии инквизитора. Если улики против подсудимого казались слишком очевидными или, по расчету инквизиторов, считались такими, трибунал не медля произносил приговор и отсылал подсудимого в темницу, до исполнения этого приговора. Только полное признание справедливости обвинения могло уменьшить наказание подсудимого, и к этому подсудимые прибегали часто, чтобы избежать ужасов полного дознания.

Кто отрицал обвинение при наличии тяжких улик, того объявляли упорным. Из зала трибунала его дело переносилось в камеру пыток, которая обыкновенно находилась в подземелье.

В религиозных процессах пытка впервые применяется в 1114 году. Впрочем, уже в месте мучений сначала опять прибегали к убеждению. Еретика грозили муками ада, наконец ближайшими муками – пыткой.

Неудача убеждений приводила обвиняемого к суровому испытанию. Ему связывали руки на спине веревкой, другой конец которой пропускали через блок. В таком положении его еще раз увещевали повиниться. Затем слу-

ги вздергивали его кверху и вдруг опускали, не давая коснуться пола. Стремительное падение резко останавливалось, члены несчастного вытягивались, веревка врезалась в руки. Если среди этих страшных мучений он объявлял о желании дать показание, его опускали на пол, чтобы записать ответы несчастного.

Признание, полученное на дыбе, подтверждалось еретиком по снятии с нее. Этим он свидетельствовал, что не муки, а истина говорила его устами. Если он отказывался от этого или упорствовал, несмотря на первую пытку, его подвергали второй. Второе испытание производили водой. Еретика клали на стол в форме корыта, нередко покрытый гвоздями, связывали его веревками так, что они врезались в тело, затем, накрыв ему рот и нос мокрой тряпкой, медленно лили на нее воду. Непрерывная струя воды не давала жертве возможности перевести дыхание, она захлебывалась, кровь выступала у нее из носа и рта. Если и тут подсудимый все-таки отказывался дать требуемое показание, тогда применялось третье «умаление членов» посредством огня. Ноги несчастного заколачивали в колодку и, смазав подошвы маслом, поворачивали их к огню. Кожа трескалась от жара, кости обнажались при страшных криках мученика, доведенного до последней степени изнеможения. Эта пытка нередко кончалась смертью узника тут же в зале мучений или в темнице, куда его относили после каждой пытки. Редко находились герои, выносившие эти терзания. Большинство признавались в самых нелепых преступлениях, но это подводило их лишь под категорию сознавшихся из страха мучений и одинаково вело на костер.

Каждый обвиненный и сознавшийся мог просить примирения с церковью. Степень наказания в таком случае уменьшалась, смотря по времени признания и по важности преступления. Примирение с церковью совершалось во время аутодафе. Аутодафе – религиозное

действие, дело веры – бывали частные и общие. Первые совершались по мере надобности несколько раз в год, вторые – по случаю важных событий в государственной жизни, восшествия на престол нового государя, рождения инфанта и т. п. За месяц до торжества члены трибунала со знаменем впереди отправлялись на главную площадь и объявляли народу о дне аутодафе.

Против королевского балкона, если предполагалось присутствие короля, возводился помост длиной в двадцать шагов. Сбоку, справа от балкона, строили амфитеатр в 25 или 30 ступеней, покрытый коврами, для членов инквизиции, с балдахином на верхней ступени для великого инквизитора. Слева другой такой же амфитеатр, но без всяких украшений, предназначался для осужденных. Посередине помоста ставился меньший помост с двумя рядами деревянных клеток, куда вводили преступников на время чтения приговоров. Для народа тоже устраивались места.

Церемония обставлялась с большой пышностью. Примиряемые с церковью были босы, с непокрытыми головами. На них была одежда кающихся, так называемое санбенито, род льняного мешка с большим желтым крестом на груди и на спине. За примиряемыми следовали обреченные на бичевание и тюремное заключение. Но главный интерес для толпы представляли осужденные на сожжение. Измученные пытками и тюремным заключением, они шли со свечами в руках, в льняных санбеито, с бумажными колпаками на головах, рот был завязан бычьим пузырем. Около каждого осужденного на смерть находилось по два офицера и по два монаха. Последней ехала кавалькада советников верховного совета, инквизиторов, духовенства и наконец великий инквизитор в фиолетовом облачении, окруженный стражей. Священник начинал обедню и доводил ее до евангелия. Затем великий инквизитор, надев митру, подхо-

дил к королевскому балкону и принимал от короля клятву покровительствовать инквизиции и помогать преследованию еретиков.

По окончании проповеди начиналось чтение приговоров. Осужденные поочередно выслушивали их на коленях, входя для этого в клетки на помост. Великий инквизитор давал затем разрешение примиряемым с церковью, а осужденных на смерть передавал в руки светской власти.

По окончании церемонии, которой и принадлежит собственно название аутодафе, этих жертв в сопровождении громадной толпы зевак и изуверов отводили за город на место сожжения. Там для каждого несчастного был сложен отдельный костер. На костре был установлен шест, и к нему привязывали жертву. Желавших умереть, исповедавшись, или, как говорили, по долгу христианскому, и всех сознавшихся после пытки сперва душили, затем под всеми одинаково разводили огонь.

Сколько людей погибло на кострах испанской инквизиции и как велико общее число осужденных ею? Историк Льюренте дает на первый вопрос 34 658 и на второй – 290 921 человек. Если верить его словам, один Торквемада сжег 10 220 жертв.

С объединения Кастилии и Арагонии под властью Изабеллы и Фердинанда началось объединение Испании. Этим правителям предстояло закончить собирание испанской земли, и Торквемада несомненно был их деятельным помощником. В лице первого великого инквизитора и его преемников испанское духовенство выделяет из своей среды ряд политиков, сторонников идеи: Испания – для испанцев и все испанцы – католики. В применении этой идеи они доходили почти до безумия и в конце концов разрушили то, к чему так ревностно стремились. Первой пробой этой политики было покорение мавров.

Мавры не были варварами вроде татар – завоевателей Руси. Как ни горьки были их по-

беды для испанцев VIII века, это были победы цивилизации. Когда настала их очередь отступить и сдавать свои крепости, они оставляли победителю культурные страны с трудолюбивым и сведущим населением, богатые города с сокровищами знания и искусства.

Спасаясь в горах от арабского владычества, испанцы захватывали с собой церковные святыни, мощи угодников и в Самом факте своего спасения уже видели покровительство неба. Первые победы над маврами еще более укрепили это воззрение. Борьба с арабами велась, таким образом, в союзе с небом, а это говорило о том, что враги испанцев были в то же время врагами Бога. Отсюда этот воинственный склад в характере сурового аскета и политика кровожадных завоевателей – или вырезать, или изгнать покоренное население. Духовная карьера лишь усилила это настроение Торквемады.

Борьба за независимость еще более усилила умственное рабство народа, а это рабство подготовило торжество инквизиции. В борьбе с арабами христианская религия, естественно, являлась общепонятным лозунгом, созывавшим верных под знамена католических государей.

Вот почему инквизиция с особенной яростью преследовала лучших представителей испанской нации. Она опиралась при этом на невежественные массы и неумолимо уничтожала все проявления свободной мысли. В то время, как Фердинанд и Изабелла, следуя примеру своих предшественников, сковывали Испанию в одно крепкое целое, Торквемада и его преемники, по видимости преследуя ту же задачу – духовное объединение страны, на самом деле лишили ее живого духа и мало-помалу омертвили.

Особенно нетерпимо Торквемада относился к евреям и мараносам – крещеным евреям. По мнению Торквемады, отступничество мараносов могло прекратиться только с изгна-

нием евреев из Испании, а так как евреи находили приют и покровительство в Гренаде, то завоевание этого последнего оплота мавров тесно связывалось в глазах великого инквизитора с очищением родины от сомнительных религиозных элементов. Фердинанд V вполне разделял стремления Торквемады. Он давно собирался разнести по зерну «житницу», как называл Гренаду, а религиозная Изабелла видела в этом деле угодное Богу предприятие. Осталось лишь найти предлог к началу военных действий и мавры сами дали этот предлог, напав в мирное время на испанский город Заморю. Но Фердинанду нужны были деньги, и тут его выручил великий инквизитор, получив от папы разрешение продавать индульгенции.

В ноябре 1491 года испанцы были уже под стенами Гренады. Два месяца тянулась осада, наконец мавры увидели бесполезность сопротивления. 2 января 1492 года испанские войска вступили в Гренаду. Во главе передового отряда ехал архиепископ Мендоца, примас Испании, за ним в отдалении, отчасти из опасения засады, двигались Фердинанд и Изабелла с остальной массой войска и при них – Торквемада.

Для великого инквизитора это торжество омрачалось мыслью о праве евреев оставаться в Гренаде. Это право было условием сдачи Гренады и дано лишь на три года, но великий инквизитор не мирился с этой отсрочкой. Евреи не подозревали, какие планы зрели в уме Торквемады. Едва прошли мирные торжества завоевателей, по Гренаде распространилась весть, что евреи хотят отравить инквизиторов. Старый призрак еврейской ненависти к христианам опять восстал в воображении испанцев, древние саги о еврейском святотатстве находили явное подтверждение и зывали к правосудию. . . 31 марта 1492 года правосудие свершилось: евреям повелевалось креститься или оставить Испанию.

Государи обязывались со своей стороны

обеспечить их паспортами и предоставить им корабли для отъезда. Во время отсрочки эмигранты должны были продать свое имущество, но отнюдь не вывозить из Испании ни золота, ни серебра. В то же время Торквемада приказал доминиканцам и другим духовным лицам употреблять все меры к обращению евреев в христианство, а всем верным католикам по истечении данной евреям отсрочки под страхом наказания избегать всякого общения с ними и не продавать им съестных припасов и ничего необходимого для жизни.

Как ни тяжело было положение евреев, большинство их все-таки осталось верно своей религии и спешило покинуть Испанию. Вынужденная эмиграция, не говоря о ее жестокости и беззаконии, несомненно причинила ущерб испанской торговле и промышленности. Это была первая причина падения Испании после непродолжительной эпохи могущества. Слепленные торжеством над маврами и последовавшим открытием Америки, испанцы долго не замечали результатов политики нетерпимости, и только отпадение целых провинций послужило для них поздним указанием на всю пагубность влияния Торквемады и его преемников.

Что касается Торквемады, то он ликовал. В 1488 году, в последних числах октября, Торквемада снова собрал в Вальядолиде генеральную юнту инквизиторов. Здесь были выработаны 15 новых законов в дополнение к изданным в 1484 году. Новые законы предлагали инквизиторам соблюдать в процессах одну общую для всех форму и не откладывать суда над заключенными под предлогом недостаточности улик. Они предлагали допрашивать свидетелей при возможно меньшем числе присутствующих и запрещали подсудимым видаться с кем-либо, исключая священников, и то как можно реже.

Произвол был характерной особенностью инквизиторских трибуналов, жертвы подвер-

гались жестоким истязаниям под покровом спасительной для свидетелей тайны, а эти свидетели безбоязненно клеветали на кого хотели.

Такие порядки не замедлили вызвать деморализацию испанского общества. Всякий стал думать о спасении своем и своих близких, и многие спешили записаться в число офицеров инквизиции, как назывались исполнители ее приказаний, в громадном большинстве шпионы. Усердие в уничтожении книг доходило до последних границ вандализма. На заре инквизиции роль цензоров исполняли епископы, но Торквемада упростил эту процедуру и жег книги, не подвергая их рассмотрению. В 1490 году он сжег таким образом в Саламанке множество экземпляров еврейских библий, затем 6 тысяч различных авторов как опасных для религии и, наконец, уничтожил всю библиотеку королевского принца Генриха Арагонского.

Торквемада до самой смерти продолжал очищать Испанию от ереси, чем возбудил такую ненависть среди современников, что ожидал себе участи Арбуэ. Он ездил с большими предосторожностями: 50 конных офицеров инквизиции и 200 пеших постоянно сопровождали великого инквизитора, а ночью его дорогу освещали как будто для целого отряда войска. Даже дома он ожидал руки убийцы и постоянно держал на столе рог единорога, которому приписывали силу останавливать действие яда. Торквемада умер 16 сентября 1498 года и погребен в Авиле, но инквизиция продолжала угнетать Испанию вплоть до первого десятилетия XIX века.

Вторым великим инквизиторов был Диего Деца, епископ Валенсии, покровитель Колумба. Недовольство Рима Торквемадой не замедлило сказаться на его преемнике. Решили раздробить испанскую инквизицию, и потому буллой 1 декабря 1498 года Деца был утвержден только в звании великого инквизитора Кастилии. Однако эта мера потерпела фиаско.

Деца отказался принять эту должность, пока не распространили его власть и на королевство Арагонию. Папа должен был уступить – такова была сила испанской инквизиции.

В заботах об увеличении этой силы Диего Деца не уступал своему предшественнику. Он издал новые законы о конфискации и вместе с тем увеличил число преступлений, подлежащих инквизиции. Неуклонное продолжение политики Торквемады – такова была программа Диего Деца.

После смерти Изабеллы 26 ноября 1504 года кастильская корона перешла к зятю покойной Филиппу I. Первым делом нового правителя было устранение Децы. Тяжелое наследство оставил Хименесу, новому главе инквизиции Диего Деца. Общество требовало гласности инквизиционных процессов. Арагонские кортесы со своей стороны жаловались, кроме того, на то, что инквизиторы вмешиваются в сборы податей, обращаются дерзко с городскими властями и претендуют на право судить не только ереси, но и другие преступления.

Хименес разделял стремления Фердинанда парализовать давление испанского общества. Таковую же политику он вел и при Карле V, преемнике Фердинанда. Тогда все университеты и ученые Испании и Фландрии присоединились к оппозиции и ходатайствовали о реформе инквизиционных процессов, но Хименес и на этот раз оказался победителем.

Под влиянием общественного мнения Карл V решил было на реформу инквизиции и дал кортесам торжественное обещание принять новый кодекс трибунала. Папа тоже вооружился в это время против испанской инквизиции и приказал было инквизиторам оставить свои должности, но ему не хватило мужества довести дело до исполнения, и даже, по просьбе Карла, он отменил свое распоряжение. Это было продолжением давней борьбы испанских королей с привилегиями сословий,

результат их стремлений сделать свою власть неограниченной и управлять страной по своему усмотрению.

Не в одной Испании свирепствовала инквизиция, дух нетерпимости покровительствовал ей и в других странах, но в Испании и подвластных ей землях она превзошла даже идеал Торквемады.

По испанскому образцу инквизиция была учреждена в Риме 21 июля 1542 года и носила название всеобщей. Главным ревнителем ее был кардинал Караффа, впоследствии папа Павел IV.

Как эхо западных веяний, в 1714 году звание инквизитора было введено и в России. По указу Петра Великого строителя московского Данилова монастыря, иеромонаха Пафнутия, повелевалось именовать протоинквизитором, а по епархиям учреждались провинциал-инквизиторы. Они должны были выведывать и доносить, хорошо ли исполняют архиереи свои обязанности, не мздоимствуют ли, правильно ли взимают налоги с раскольников. Им поручалось также следить, не появляются ли новые расколоучители. Право суда дано им не было, им приказывалось «допросов у себя никому ни в чем не чинить и никого к тому не привлекать и не принуждать и ничем не озлоблять, а именно, не ковать, не арестовывать, не бить...» Нетрудно видеть, что Петр Великий вовсе не думал насаждать инквизицию по образу католической и только пользовался ее терминологией, занимаясь упорядочением церковных дел. Религиозная нетерпимость существовала у нас задолго до Преобразователя – это ясно для всякого, хотя немного знакомого с историей нашего раскола. Конечно, это не была инквизиция в узком смысле слова, но, как известно; дело не в названии, а в сущности. Эта сущность – нетерпимость, стародавняя спутница человечества, далеко не везде покинувшая его и поныне.